

Когда жизнь дает уроки — не пропускай занятия.

Народная мудрость

ПРОЛОГ

— Давай попробуем еще разочек, а? — Зорган прижимался к моему плечу, жарко дыша мне прямо в ухо и пользуясь запыленным приемом — умоляющей, донельзя жалобной интонацией своего красивого голоса. — Вдруг да получится?

— Прошлой ночью пробовали, — разочарованно буркнула я, отпихивая надоедливую эмпирю и с головой укрываясь пестрым лоскутным одеялом, — и позавчерашней, и позавчерашней... Так ни гоблина ведь не вышло...

— Рогнеда, — сильная рука любимого мужчины настойчиво стягивала мое защитное укрытие, а его горячие губы нашли мой вспотевший от волнения лоб и запечатлели на нем нежный поцелуй, — признайся, ты ведь хочешь этого ничуть не меньше меня...

— Хочется — перехочется! — сварливо парировала я, стараясь с помощью своего привычного нахальства скрыть овладевшее мною отчаяние. — Зачем себе и мне зря душу рвешь? Не проще ли принять как данность — ну не получается это у нас, хоть тресни...

— Попытка не пытка! — почти весело откликнулся Зорган, приподнимаясь на локте и заглядывая мне в глаза. — Я вроде как не слабак криворукий и не пессимист, а поэтому знаю четко: что не получилось на третий или пятый раз — получится в сотый...

— Мне столько не вытерпеть, — честно призналась я. — Больно же! Может, ты и не слабак, но садист тот еще...

Краем уха я услышала, как на печке заинтересованно завопил хозяин избы, раздраженный нашим спором. «Вот, мешаем мужику отдыхать!» — виновато подумала я, закрывая глаза и пытаясь уснуть. Но не тут-то было...

— Рогнеда! — Голос эмпиря повысился на полтона, приобретая требовательную окраску. — Давай попробуем снова, или я решу, будто ты меня не любишь!

«Ладно, демоны с тобой, уговорил!» — в сердцах плюнула я, откидывая одеяло и садясь.

— Давай! Только быстро!

Виконт белозубо улыбнулся, отшвырнул подушку и схватил меня за руку...

Мы топали целый день без передышки, но река Забвения так и не показалась. Наконец, полумертвые от усталости, мы еле добрались до какой-то крохотной, полузаметенной снегом деревушки и попросились на ночлег. Местные жители ютились в небольших домишках, поэтому нам пришлось разделиться. Нас с Зорганом впустил к себе угрюмый золотушный мужичок, до самых глаз заросший рыжей нечесаной бороденкой, более смахивающей на вонючий козлий хвост. Казалось бы, подобная характеристика не предвещала ничего обнадеживающего, но в избе у него оказалось неожиданно тепло и чисто. Умяв предложенные хозяином горшок простокваши, кольцо колбасы и полковриги хлеба, мы с эмпиром критически обозрели шаткие лавки и комфортно разместились прямо на полу, расстелив выданные хозяином одеяла и подушки. Сам мужик протяжно зевнул, помолился королеве Смерти и с кряхтением забрался на печку, вежливо пожелав нам спокойной ночи. И я совсем уже задремала, когда Зоргана нехотая пробило еще на одну попытку...

— Давай стоя! — нетерпеливо командовал Зорган.

— Давай!

— Эх, не получается! — Эмпир взбешенно скрипнул зубами. — Садись на лавку и упрись спиной в печку...

— О-о-ох!.. Ты мне чуть руку не оторвал, — окрысилась я. — И печка как-то подозрительно поскрипывает...

— Прости, но и так ничего не выходит! — повинился любимый. — Вставай на колени...

...На печке послышалось заинтригованное шебаршение, и вниз свесилась лохматая голова хозяина, похоже разбуженного нашими бесплодными попытками.

— Да не напрягайся ты так! — с рычанием потребовал Зор-

ган, его красивое лицо побагровело от тщетных усилий, на челюсти вздулись желваки.

— А ты меня не дергай резко! — парировала я, прикусив губу от нестерпимой боли. — Ой!

...Голова хозяина свесилась еще ниже...

— Есть хоть какое-то движение? — Зорган сорвался на крик.

— Нет!

— Эх!

— Ах!

Но тут раздался жуткий грохот, и на наши упревшие от тщетных усилий головы поочередно свалились сначала дубовый ушат, к счастью — пустой, потом железный котелок, затем — связка вяленых лещей, а напоследок — и сам хозяин...

— Мужик, ты чего? — оторопело спросила я, потирая ушибленный нос.

Зорган смачно ругался, стаскивая с головы гулкий котелок...

— Да ничего! — Разочарованно почесывая отбитый бок, явно обиженный нами хозяин полез обратно на печку. — Просто любиться надо проще, по-людски, а не с таким извращенным перепоподвыподвертом — как вы...

Я растерянно хлопала ресницами, не понимая — о чем это он? Мой распухший, посиневший палец отзывался острой, пульсирующей болью. Зорган виновато подул на мою истерзанную руку, нашептывая слова извинения и утешения. Мы повторяли свои безуспешные попытки ночь за ночью, но пока, увы, так и не сумели снять с моего пальца треклятое волшебное обручальное кольцо...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

— Княжна! — Дикий, призывный вопль, донесшийся с палубы, вырвал меня из объятий сладкого послеполуденного сна, чуть не оглушив и едва не превратив в заику.

— Какого рожна? — возмущенно спросила я, непроизвольно дернулась и выпала из корабельного гамака, окончательно просыпаясь. Помнится, красногорский воевода Нелюд — и по совместительству мой воспитатель в ратном деле — любит вворачивать в свои речи одну занятную фразу, звучащую так: хорошо сказанное слово действует куда лучше, чем метко брошенный топор. И то верно, ибо такое слово если и не убивает, то с ног сносит мгновенно. Вот так и со мной, я уже привыкла — если меня кто-то зовет, причем таким вот, как сейчас, истеричным голосом, значит, случилось что-то нехорошее. Всенепременно и бесповоротно, ибо наше обычное невезение почему-то не пожелало остаться на берегу и тоже отправилось в плавание к острову Ледница. За компанию с нами, так сказать. Интересно, а ему-то какого гоблина там понадобилось?

Предаваясь таким безрадостным мыслям, я довольно неуклюже вскарабкалась по ведущей из трюма лестнице и выбралась на палубу «Мавиэль-дес-Наорт», легкой бригантинны, принадлежащей Слепому стрелку, нелюбезно согласившемуся доставить нас на вожаделенный остров. Нелюбезно, потому что я буквально вынудила его отправиться в это путешествие, выполнив поставленное мне условие, изначально казавшееся совершенно невыполнимым. Подозреваю, Стрелок уже неоднократно пожалел о данной мне клятве, но не решился запятнать свою честь, отказавшись от прилюдно брошенного обещания. Как всем известно: не давши слово —

крепись, а давши — держись. Его ведь никто за язык не тянул, не так ли? А возможно, и тянули — сама судьба, и именно поэтому мы очутились на борту «Мавиэли».

Мы — это шестеро Воинов Судьбы, вознамерившихся спасти наш мир от грядущей гибели, как бы пафосно ни звучало подобное заявление. Честно говоря, сама не понимаю, как нас угораздило вляпаться в череду самых невероятных приключений, приведших в итоге к столь печальному концу — походу на зачарованный остров. Ведь если рассуждать объективно, нужно быть законченным идиотом или же безмерно самоуверенным храбрецом, чтобы отважиться на такое — добровольно отправиться во владения королевы Смерти, откуда никто еще не возвращался целым и невредимым. И я еще совсем не определилась, к коей из этих двух категорий следует относить всех нас!

Но так или иначе, а против фактов не попрешь, и поэтому приходится констатировать очевидное: в данный момент мы все находимся на борту бригантины и продвигаемся в сторону Ледницы. Причем каждого из нас помимо избитой мечты о мире во всем мире ведет еще и сугубо индивидуальное, заветное стремление. Лично мне очень хочется внести хоть какую-то конкретику в свое туманное, нет — даже устрашающее будущее, напророченное Раскладом Судьбы. Двум аристократам-эмпирам — Зоргану и Вольдемару из дворянского рода дер-Сольен — нужно определиться: кто из них унаследует корону и станет править маркграфством Эйсен. Дракон Трей жаждет доказать всем, и в первую очередь самому себе, что он отнюдь не трус и не слабак. Эльфийский принц Тайлериан избрал участь бродячего менестреля, отрекшись от трона, а юная ведьма Лизелотта — чудом избежавшая гибели на костре, пытается утвердиться в дарованных ей магических способностях. И при этом все мы настолько очевидно не уверены в своих силах, настолько нуждаемся в помощи и подсказке, что готовы искать их даже за тремя морями. Или на острове Ледница, на худой конец. Ведь кто еще кроме владычицы Смерти способен разобраться в окружающих нас загадках?

— Наши дела очень плохи, княжна! — мрачно сообщил Слепой стрелок, занявший наблюдательный пост возле борта бригантины. — И неминуемо станут еще хуже!

Мне вовсе не нужно было обладать какой-то особенной прозорливостью, чтобы немедленно догадаться — наш сварливый слепец и явился источником того дикого вопля, который совсем недавно вырвал меня из сонного забытья. Эльф стоял, небрежно возложив руки на планшир, а его безглазое лицо выглядело настолько сосредоточенным, будто он уж если и не видел, то, во всяком случае, как-то по-другому чувствовал приближение грядущей опасности. Возможно — интуитивно, а интуиция — это вам не берестяная свистулька, ее просто так со счетов не сбросишь.

— Не каркай, — сердито пробурчала я, пошире расставляя ноги и пытаясь приноровиться к бурному плеску волн, всюю раскачивающих корабль. — И прошу, не увлекайся пророчествами. Не твоя они стихия.

— Это отнюдь не пророчества, — саркастически усмехнулся слепец, — это всего лишь закономерное следствие твоего упрямства. Вспомни, я ведь отговаривал тебя от принятия одного скоропалительного решения. Тогда мы еще имели возможность отступить. А сейчас... Видишь, — он устремил вперед костлявый палец, указывая на белые буруны волн, — мы вошли в воды Холодного моря. Здесь всегда штормит, а течение несет льдины и комья снега. С каждым днем воздух будет становиться все холоднее, пищи тут не найти, а ближайшая возможная суша — сам остров Ледница, если, конечно, мы сумеем его достичь... — Теперь улыбка Стрелка из предостерегающей превратилась в откровенно язвительную. — К тому же скоро ваш дракон выдохнется, упадет в воду, ведь отдыхать ему негде, и тогда...

Я обеспокоенно подняла глаза, вглядываясь в очертания фигуры Трея, парящего в небе над кораблем. Усталые взмахи его крыльев действительно не внушали оптимизма. В затеянном мною походе дракону приходилось тяжелее всех. Правда, иногда он все-таки опускался на мачты бригаантины, но его немалый вес тут же нарушал осадку легкого корабля, заставляя судно погружаться в воду значительно ниже уровня ватерлинии. Поэтому каждый отдых дракона продолжался недолго, угрожая потоплением хрупкой «Мавиэли». Я озабоченно нахмурилась. М-да, Стрелок прав — дракон не может лететь вечно. И выходит, если я не придумаю что-то действенное, то...

— Тогда дракон умрет! — убежденно произнес неслышно подошедший к нам Зорган, сочувственно сжимая ладонью мое плечо. — И ты ничего не сможешь с этим поделать...

— Еще чего! — возмущенно зашипела я, оборачиваясь и сверля прекрасного эмпиря негодующим взглядом. — Обещаю, я что-нибудь придумаю.

— Ну-ну... — недоверчиво хмыкнул виконт. — Рогнеда, скажи, когда ты избавишься от этого дурацкого комплекса ответственности за всех нас? Клянусь демонами, ты похожа на курицу-наседку, беспрестанно трясущуюся над своими цыплятами. Каждый из нас добровольно избрал свою судьбу, а посему тебе не пристало сдуть с нас пылинки и пытаться грудью закрыть от подстерегающих впереди бед. Кстати, это совершенно невозможно!

— Именно так, — отчетливо прилетело сверху.

Оказалось, что дракон отлично расслышал сию печальную, абсолютно не предназначенную для его ушей беседу и поторопился выразить свое мнение. К слову, совсем меня не устраивающее. И потом, понятия не имею, чем и как он слышит вообще, но приходится признать: слух у дракона отменный, характер — поистине железный, а норов упрямее, чем у моего коня Орешка, оставленного на берегу под присмотром местного трактирщика. Короче, Трей — настоящий мужчина, со всеми полагающимися от природы достоинствами и недостатками. Жаль только, что он не человек.

Не вступая в пререкания, я в ответ лишь гневно прикусила губу и строптиво покачала головой. Я все равно не отдам Трея смерти. Он мне нравится. Наш дракон честный, смелый и добрый. Я не допущу, чтобы он умер. Еще чего! Это... это же нечестно!

В глубине души я отлично осознавала всю беспочвенность своей самонадеянности. С судьбой не поспоришь... Но разве не этим я занимаюсь последнюю пару месяцев — и даже достигла кое-каких заметных результатов? Да, все обстоит именно так! Хотя некий крохотный закоулок моего сознания, обычно именуемый здравым рассудком, уже неоднократно подсказывал — рано или поздно судьба все равно возьмет реванш и сполна оплатит за отвоеванные у нее очки. Кто знает, какие козыри припрятаны у нее в рукаве? А не намерена ли она смухлевать?..

На этой аккордной мысли я запуталась в собственных водах и утратила нить размышлений. Честно говоря, выспирение философствования о заумных высших материях никогда не являлись сильной стороной моей натуры. Вот если нужно в морду кому дать, нахамить или пакость какую придумать — это запросто. А все прочее... Наверное, я неправильно расставляю приоритеты. Наверное, не нужно пытаться препарировать свою жизнь. Ведь ты появляешься в ней неожиданно-негаданно и делаешь ровно столько, сколько успеваешь. И не стоит забивать себе голову всякой ерундой.

— А вы чем тут занимаетесь? — спросила я у Зоргана, стремясь сменить тему разговора.

Эмпиr насмешливо прищурился, отлично разгадав мой дипломатический маневр. Его черные глаза немного припухли, на скулах залегли темные тени, элегантное кружевное жабо оказалось расстегнуто и теперь небрежно болталось поверх воротника камзола.

— У тебя лицо опухшее, — с подозрением уточнила я. — Ты пил?

— Ни-ни, просто мы вчера всю ночь со злом боролись! — с вызовом хохотнул мой любимый мужчина. — А чем еще тут заниматься прикажешь?

— Победили? — желчно поинтересовалась я.

— Нет, еще осталось. — В качестве аргумента он выпростал из-за спины доселе спрятанную там руку, предъявляя мне квадратную бутылку, до половины наполненную мутным самогоном. — Будешь?

— С кем пил? — Я брезгливо принялась к неаппетитному сивушному запаху, исходящему от предложенной мне тары.

— С Вольдемаром и Таем, — не стал скрывать эмпиr. — От безысходности. А посему не занудничай, милая!

Я озадаченно вздохнула. Оказывается, враг не всегда является врагом, а друг — другом. Нет, здорово, конечно, что мои спутники позабыли о своей прежней вражде, плохо другое — они пали духом и пытаются любым способом избавиться от гнетущего чувства обреченности. Не то чтобы я причисляла себя к убежденным абстинентам¹, но зачем же впадать в

¹ Абстиненция — здесь: полное воздержание от употребления спиртных напитков.

наивность и пытаться утопить свой страх в самогоне? Ибо дрянь, как известно, не тонет. К тому же мне очень горестно осознавать, что мои друзья так рано сдались на волю злодейки судьбы, ведь мы еще даже не достигли Ледницы!.. А что тогда будет дальше?

— Помнится, ты никогда не испытывал особенно теплых чувств ни к своему двоюродному братцу, ни к моему потенциальному жениху, — напомнила я, пристально всматриваясь в лицо Зоргана. — С чего вдруг ты пошел на сближение с ними?

— Ну да, — эмпира критически улыбнулся, иронизируя над самим собой, — как я мог забыть, что люблю только казни, поножовщину, интриги и удары в спину... Вроде бы все... — Он демонстративно напустил на себя задумчивый вид. — А-а-а, нет! Еще тебя! Еще котят и прянички...

После этой реплики я невольно рассмеялась, обезоруженная его лукавством. Зорган придвинулся поближе, наклонился к моему уху и прошептал уже с совершенно серьезными интонациями:

— Рогнеда, мне страшно!

Я воззрилась на эмпирю с недоумением. Что за чушь? Да ведь он не боится ничего и никого, даже демонов с Нижнего уровня!

— Поверь, мне действительно страшно! — повторил Зорган, ничуть не стыдясь подобного проявления вопиющей немужественности. — Признаюсь, я видел и сделал много чего плохого в жизни, я предавал и убивал, дорогая. И у меня ни разу не екнуло сердце. Но теперь, — виконт печально вздохнул, — мы плывем навстречу смерти, причем она способна настигнуть нас гораздо раньше, чем мы окажемся к тому готовы. Рогнеда, пойми, мы никогда не сумеем обыграть смерть. Кого угодно и где угодно, но только не ее! Рогнеда, давай повернем обратно. Умоляю тебя, повернем — пока еще не поздно, пока еще можно спасти хоть кого-то из нас...

Я ошеломленно хлопала ресницами, онемев от ужаса. Внутренний голос подсказывал: Зорган прав — сто, тысячу раз прав! Только теперь до меня начало доходить, в какую безнадежную авантюру мы ввязались! Мы ищем смерти... Ищем по своей воле, по моей вине и инициативе!

Я беспомощно огляделась, надеясь найти ответ на лицах окружающих меня друзей. Кайра лениво полировала свою ра-

пиру, устроившись на юте. Бледная Витка, страдающая от очередного приступа морской болезни, держалась поближе к борту — справедливо не доверяя слабому желудку. Михась невозмутимо дрых, удобно развалившись на бухте каната, а крыса Грымза свернулась в комочек у него на животе и ритмично покачивалась в такт равномерному дыханию моего оруженосца. Лиззи и Вольдемар вполголоса обсуждали дрянную погоду, иногда как бы случайно косясь на меня. Слепой стрелок усиленно делал вид, будто его абсолютно не касается затеянный Зорганом разговор, хотя, бесспорно, не упустил ни одного произнесенного нами слова. Все они производили впечатление таких невинных, таких беспомощных существ, что в мою душу невольно закралось сомнение, касающееся адекватности принятого мною решения. А не много ли я на себя взяла? Имею ли я право рисковать жизнями своих друзей?

Каюсь, именно в этот самый миг я едва не проявила малодушие, уже почти готовая скомандовать отступление. Ведь это же так просто — взмахнуть рукой и выкрикнуть: живо разворачиваемся назад и плывем домой! И я уже приоткрыла губы, готовая признаться в собственной трусости, как вдруг сидящий на ступеньке трапа принц Тайлериан взялся за гитару и, словно угадав терзающие меня мысли, бравурно запел:

Не бойся препятствий, не бойся преград,
Судьбы не страшись понапрасну,
Отметься ты в жизни словами баллад,
Порою пропетых совсем невпопад —
Но чувствам не давших погаснуть.

Пусть ветер и вьюга сковали нам кровь,
С прямой не свернем мы дороги,
Упрямо сквозь снег пробираемся вновь,
На сердце лелеем тоску и любовь —
Ведь так завещали нам боги.

Коль в замысел высший вмешаться посмел,
Поверь, что проверки достоин,
Отныне борьба — твой зарок и удел,
Ты нынче для дел и свершений созрел —
Как каждый решительный воин...¹

¹ Здесь и далее стихи автора.

Ветер, подхвативший последний куплет этой песни, рывком надул паруса бригаантины, швырнув мне в лицо пригоршню отрезвляющих брызг. Я до боли прикусила нижнюю губу и сумела выдавить бледное подобие дерзкой улыбки, ощущая на языке вкус крови. Зорган понимающе подмигнул и отпил из бутылки, спеша отметить принятое мною решение — теперь уже окончательное и бесповоротное. Кайра одарила меня хмурой улыбкой и еще громче застучала точильным брусом. Витка тяжело сглотнула и помахала рукой, показывая: я в порядке. Похоже, все мы немного приободрились и поверили в удачу, всегда благоволящую к героям. Ну, или к дуракам, что в принципе и есть то же самое. Я заставила себя максимально распрямить спину и принялась пристально вглядываться в даль, надеясь увидеть долгожданный остров. Я знаю — мы на него непременно попадем, я это нутром чувую. Попадем назло всем и вся, вопреки проискам судьбы и собственному невезению. А что касается моих недавних колебаний и плохих предчувствий, то спешу-ка я их на плохое настроение и минутную слабость... Да-да, я поступлю именно так, ибо любую депрессию нужно встречать с улыбкой. Тогда она подумает, что ты идиот, — и сбежит... А я пошлю прощальный поцелуй ей вслед и уже больше никогда не поддамся сомнениям.

И будь что будет!

Чернокнижник Гедрон лла-Аррастиг растерянно поковырялся в ухе, извлек кусочек серы и столь же произвольно бросил его в волшебный котел, вновь наполненный свежим варевом и опять установленный над огнем. Колдун пребывал в медитативной задумчивости, размышляя над сутью и природой явления, называемого «невезение». Возможно, оно заразно и передается воздушно-капельным путем, преодолевая огромные расстояния? Возможно, оно сродни проклятию и обладает эффектом обратного отката, переходя на того, кто желает зла другому? Возможно, его вообще невозможно понять и укротить?

Гедрон поболтал опущенным в котел пальцем, совершенно не ощущая жара, исходящего от бурно кипящего магического состава. Его уже не интересовали страдания плоти, ибо он стремился постичь силу духа, движущую теми, кто принял

на себя обет спасения мира и стал Воинами Судьбы. Недавняя зависть к ним практически прошла, сменившись откровенным недоумением. Ему бы только узнать: откуда черпают они свое вдохновение и возможно ли их победить? А если возможно, то как? Он был готов поклясться собственной душой, что испробовал все известные ему способы! Гедрон поворошил шесть лежащих на столе кукол-вольтов и недоуменно хмыкнул. Он почти признал их непобедимыми, почти смирился со своим поражением, почти уже сдался... Но разве можно отказаться от желания отомстить равнодушным богам, искалечившим его душу и тело, загубившим молодую, едва начавшуюся жизнь наивного юноши? Зачем тогда пролевать свои нынешние мучения?

Чернокнижник склонился над котлом, испытывая непреодолимое желание утопиться в кипящем вареве. Горе ему, ибо он забыт всеми, он один — сидит словно сын в своей башне и никому уже не нужен. Король Халлагизэль готовится к войне с кланом Белой розы, пользуясь удобным моментом — состоянием разброда и шатания, наступившим в Эльсине после смерти короля Рагнара и бегства принца Тайлериана. Гранд-мастер тоже позабыл о своем верном слуге, увлеченный подкинутым Гедроном планом. Сестрица принца демонов — чернокудрая Ринеция сумела втереться в доверие к Пресветлой богине Аоле и теперь пребывает в статусе ее любимой ученицы. О, отныне перед демонами открылись захватывающие перспективы — возможность покинуть давно опустылевший Нижний уровень, насквозь пропитанный запахом пепла и серы, а гранд-мастер так и рвется на свободу. Зря люди считают, будто самые страшные наказания — это боль, унижения и клевета. Они ошибаются. На самом деле в мире нет ничего ужаснее одиночества, забвения и равнодушия. Ибо если боль можно превозмочь, унижение смыть кровью, а клевету опровергнуть вескими аргументами, то перед одиночеством, забвением и равнодушием бессильны все, даже всемогущие Пресветлые боги. И Гедрон не сомневался, что в самом скором времени боги на собственном опыте убедятся в справедливости оной немудреной истины. И тогда наивный молодец жрец будет отмищен. Впрочем, все это неминуемо произойдет в будущем, а пока он бессилен что-либо изменить... Остается только ждать...

Облака кучно бежали по серому небу. Лла-Аррастиг оперся о подоконник, любясь буйством воздушной стихии и восхищаясь ее мощью. Ему подвластно многое, но в мире существует и то, управлять чем еще не научился никто. Можно лишь временно воспользоваться возможностями четырех природных стихий: воздуха, огня, воды и земли, но абсолютно подчинить их себе — нереально, ибо они слишком велики и еще не познаны полностью. Они тоже одиноки и забыты, как и он сам... Тут вдруг чернокнижник озаренно хлопнул себя по лбу и метнулся обратно в глубь комнаты, подскочив к волшебному котлу...

Так и есть! Гедрон победно расхохотался. Все оказалось просто, предельно просто! Решение его проблемы лежит на поверхности, причем на поверхности во всех смыслах этого слова. Колдун напряженно вглядывался в волшебное варево, являющее ему изображение корабля, плывущего по бескрайней морской глади. Корабля, везущего его врагов! Чернокнижник насмешливо смахнул разложенных на столе вольтов и, повернувшись к книжному шкафу, принялся копать в его захламленных недрах, отыскивая нужный манускрипт. И как же он не догадался раньше? Уж если ему не удалось втянуть в неприятности Воинов Судьбы, то следует действовать наоборот — обрушить эти неприятности на их бесшабашные головы. Корабль плывет по морю, а следовательно — колдуну только и нужно, что взбудоражить водную стихию, обратив ее мощь против ничего не подозревающих путешественников. О нет, ему не под силу целиком всколыхнуть морскую махину, но зато он придумал нечто более занимательное, более оригинальное... Гедрон наконец-то нашел искомую рукопись, торопливо пробежался по ней глазами и склонился к котлу, шепча нужное заклинание... Тонкие губы чернокнижника изогнулись в ликующей ухмылке. Долгожданный миг его торжества близится. О, последующие несколько часов обещают стать весьма и весьма увлекательными...

Миновал еще один день пути, а столь желанный для нас остров так и не показался. Луч света, выпускаемый волшебным амулетом, по-прежнему ровно прочерчивал водную гладь, прокладывая нам курс, но, увы, единственными встречающимися ему препятствиями были лишь довольно круп-

ные льдины, покачивающиеся на поверхности моря. Ощути-мо похолодало. Я, закутавшись в теплый плащ, стояла на носу бригадины и пыталась подбодрить Трея, развлекая его шутиливой беседой ни о чем. Дракон спустился ниже и теперь летел над самыми мачтами «Мавиэли», лишь изредка равномерно и скупно взмахивая крыльями. Он весьма успешно парил в струях попутного ветра. Наш крылатый друг сэкономил силы.

Я шмыгнула носом и украдкой утерла его рукавом рубашки. Кажется, простыла. А может, это все пронизывающий ветер виноват — выжимает сопли из носа и вышибает слезы из глаз. Или терзающее меня чувство вины за неприятности, в которые я сознательно втянула своих друзей... Вина перед самим собой вообще самая страшная вещь в мире, ибо от нее не спрячешься и не укроешься. Эх, жизнь наша невезучая!.. Воздух звучно посвистывал под крыльями Трея, создавая на редкость думательную атмосферу. Сама того не желая, я постепенно погружалась в нерадостные размышления, полностью соответствующие моему нынешнему настроению...

Интересно, а что в жизни самое главное? Любовь, дружба, уважение или самоуважение? И научусь ли я когда-нибудь делать то, что нужно и важно? Полагаю, нужно уметь вовремя разбить треснувший бокал, а не цепляться за испорченное. Дорожить людьми, которые остаются с тобой несмотря ни на что. Уходить оттуда, где тебя не любят и не дорожат тобой. Кстати, именно это я уже и проделала! Нужно уметь находить радость не в сокровищах и почестях, а в обычной чашке горячего чая. Не слушать слова, не представляющие ценности. Дорожить своим временем. Благодарить жизнь даже за малейшую радость. Нужно уметь прощать тех, кого еще можно простить. Уважать себя и других за то, что они делают. Не трать себя попусту. Понимать тех, кто хочет, чтобы их поняли. Стремиться к невозможному. Бороться за свою мечту и добиваться ее. Вот что нужно уметь. А остальному можно научиться...

— Рогнеда! — окликнул меня заскучавший дракон. — Чего вдруг примолкла? Ты там, часом, не померла ли?

— Не дождетесь! — буркнула я, встрепенувшись. — Я, конечно, понимаю, что если хочешь услышать о себе много хо-

рошего, то умри... Но в моем случае это как-то преждевременно. Не находишь?

Дракон издал саркастичный смешок, способный сойти и за «да», и за «нет». Ушел от прямого ответа. Я восхищенно улыбнулась. Ну и язва же он, ничуть не хуже меня. Правильно говорят: некоторым людям при рождении нужно завязывать не только пупок, но и рот. Похоже, драконам тоже, хотя гоблин его знает — есть ли у драконов пупок!

— И когда ты перестанешь меня поддевать? — напрямую спросила я. — Вроде бы мы с тобой давно уже помирились.

— Только после вас! — галантно парировал Трей. — А знаешь, жаль, что ты не драконица. Я бы на тебе женился.

Я прикусила язык, проглотив едва не сорвавшуюся с него колкость. Помнится, он и раньше выражал подобное сожаление о «не драконица». Возможно, это и шутка, но в каждой шутке содержится доля истины. К тому же он тоже мне нравится... Но ни к чему мне выказывать излишнюю симпатию по отношению к дракону, а то, не ровен час, Зорган обо всем догадается, приревнует и вдрызг разругается с нашим летуном. С эмпии станется, он и не на такое способен. Следовательно, придется опять все свести к шуточкам. В конце концов, мы, женщины, — слабый пол. Мужчины — якобы сильный. А в борьбе с сильными все средства хороши.

На этом мои размышления об отношениях с драконом закончились, ибо на палубе появился Зорган. Подозрительно посмотрел на меня, с еще большей подозрительностью глянув вверх и принялся насвистывать с деланой беззаботностью, изображая полнейшую невозмутимость. Очевидно, что-то почувствовал или о чем-то догадался. Я хмыкнула, плотнее завернулась в плащ и присела возле мачты бригаантины, приготовившись наблюдать за всем, должным произойти на палубе. Накопившееся у нас напряжение рано или поздно даст знать о себе, вылившись в какое-нибудь столкновение. И интуиция подсказывала мне, что это произойдет в самом ближайшем будущем...

Явно разыскивая, к чему бы приложить бездеятельного себя, виконт горделиво продефилировал по палубе и внезапно зацепился взглядом за тихонько прикорнувшую в уголке парочку — принца Тая и его ненаглядную Витку. Глаза Зорга-

на проказливо вспыхнули... Он придвинулся поближе к увлеченным друг другом влюбленным и наострил уши...

— Я тебя люблю, обожаю, нежно соплю в ушко... — упоенно ворковал Тайлериан, страстно обнимая зардевшуюся словно маков цвет Витку и не замечая ничего вокруг.

— Не, а соплю-то зачем? — обидно заржал нахальный эмпир. — Фу, а еще принц называется! Ну и манеры...

— Какого гоблина к нам цепляешься? — возмутился мене-стрель, надвигаясь на эмпиря с угрожающе сжатыми кулаками. — Ты чего, белены объелся?

Витка сконфуженно пискнула, метнулась к неодобрительно наблюдающей за виконтом Кайре и спряталась за ее крепкую спину.

— Ну вот, прошла любовь, завяли помидоры! — ехидно прокомментировал ее бегство Зорган.

— За своим огородом следи! — не остался в долгу находчивый Тай. — Вон Рогнеда недавно дракону глазки строила. Ему, а не тебе! — Он откровенно наслаждался обиженно вытянувшимся лицом своего оппонента.

Я, хоть и ожидала скорого конфликта, недовольно поджала губы. И кто, спрашивается, принца за язык тянул? Похоже, ему тоже при рождении не все завязали.

— Не свисти, врун! — взбешенно огрызнулся эмпир.

— А я и не свищу, тьфу, то есть не свистю, — парировал эльф.

— Свистишь! — не отставал эмпир.

— Не свистю! — упирался принц.

— А правда, кто же тогда свистит? — изумленно приподняла брови доселе молчавшая Кайра. — Причем противно так — тоненько и въедливо...

— Она права, — поддержала Витка. — Я тоже это слышу.

Я удивленно прислушалась. Действительно, в воздухе витало что-то непостижимое, неслышное уху. Вроде бы свист, но вроде и нет. Определенно оный звук существовал в реальности, но я не слышала его физически, хотя он настойчиво ввинчивался в мозг, вызывая жутко неприятные чувства. Едва я осознала его негативное воздействие, как мне тут же захотелось где-нибудь спрятаться, укрыться от этого свиста — вынимающего из меня душу, сводящего с ума, буквально выворачивающего наизнанку весь организм.

— Я больше не могу это терпеть! — Витка сжала виски руками и так решительно шагнула к борту, словно намеревалась броситься в море. — Это невыносимо!

— Куда! — Зорган успел поймать ее за меховой воротник плаща. — Стоять, бояться!

— И так уже боимся, — морщась от боли, проворчала Кайра. — Куда уж пуще-то.

Все собрались на палубе, галдя и гадая, что за очередная напасть на нас свалилась. Правда, в спор вмешался дракон, со стоном поправив, что не «на пасть», а на голову. С ним никто не спорил. Тай тщетно прикрывал макушку гитарой, стремясь избавиться от жутких звуков; Вольдемар мужественно зажимал уши Лиззи, а та в свою очередь — крысе Грымзе, предобморочно закатывающей глазки. В общем, ситуация, возникшая на корабле, быстро скатывалась к неуправляемой панике.

— Ты случайно не подскажешь, что это за дрянь? — спросила я у Не знающего промаха стрелка, со скрещенными на груди руками замершего возле штурвала.

— Подскажу, — снисходительно кивнул слепец. — Это начинаются те самые неприятности, которые я тебе напро-ро... Тьфу, вернее, от коих я тебя недавно предостерегал, — спохватившись, поправился он. — Помнишь?

Я упрямо вздернула подбородок, дескать: не попрекай, и сама понимаю — не отдыхать плывем!

— И все же? — почти умоляла я.

— Одни называют этот свист голосами морских сирен, — снизошел до пояснений Стрелок. — Другие предпочитают версию, будто так поют киты в свой брачный период. Но я склонен думать, что нас настигло дыхание самого моря, кем-то разбуженного и взбудораженного. О, великая водная стихия не прощает насилия над собой и будет сопротивляться, ибо путь на Ледницу — самая великая из ее тайн. А мы ее раскрыли с помощью найденного тобой путеводного артефакта. Поэтому в отместку Холодное море медленно, но верно доведет нас до безумия. Либо мы лишимся рассудка и добровольно попрыгаем за борт, пытаясь избавиться от губительного свиста, либо наши вены лопнут и мы истечем кровью не сходя с корабля. Выбор у нас невелик!

Я уныло хмыкнула. Ничего себе перспективочки!

— От этого свиста как-то можно избавиться? — без особой надежды на вразумительный ответ спросила я.

— С помощью глухоты! — невесело хохотнул Стрелок. — Желаеть попробовать?

В Нарронской академии благородных девиц меня обучали азам лекарского искусства, в коем, правда, я особо не преуспела. И все-таки моих скудных познаний хватало для осознания того, как возникает глухота. Если нарушить целостность тонкой перепонки, располагающейся в глубине ушной раковины, то получишь ту самую искомую глухоту. Хотя не исключено, что в этом случае она окажется окончательной и неизлечимой. Нет, такой вариант решения проблемы меня не устраивает. Придется придумать нечто другое... Я задумчиво поковырялась у себя в ухе, отстраненно наблюдая за друзьями, бестолково мечущимися по палубе бригаантины. Ухо отозвалось неприятным зудом, частично по причине все нарастающего свиста, а частично из-за того, что вот уже несколько дней мы все не принимали ванну и успели обрести довольно неряшливый внешний вид. А ведь если уши не мыть несколько дней, то они... Стоп! Тут меня осенила спасительная идея. Помнится, в библиотеке все той же злополучной академии мне довелось откопать невероятно интересную книгу, повествующую о приключениях древнего героя, носившего имя Улисс. Он, подобно нам, тоже отправился в длительное морское плавание, а потом его корабль достиг удивительного острова, на коем и проживали сирены — своим волшебным пением завлекавшие моряков на скалы и топившие все проплывающие мимо суда. Но Улисс сумел спасти свою команду, ибо он...

— Стрелок, — во все горло завопила я, — на твоём корабле есть воск?

— Конечно, есть. — Безглазое лицо Стрелка изумленно вытянулось. — Я обмазываю им пеньковые канаты, дабы придать им водоотталкивающие свойства. Но зачем он тебе понадобился?

— Неси! — ультимативно приказал я, не вдаваясь в дальнейшие объяснения. — Немедленно!

Слепец ненадолго скрылся в своей каюте и вскоре вернулся, вложив в мои дрожащие от радостного возбуждения руки небольшой глиняный горшочек. С изуродованного лица на-

шего капитана по-прежнему не сходило недоуменное выражение.

Я бережно приподняла закрывающую горшок крышку. Внутри сосуда обнаружился внушительный кусок желто-бурой пластичной массы, податливо проминающейся под моими пальцами. Я отщипнула немного воска, скатала из него два шарика и засунула их себе в уши. Трудно описать словами, какое неимоверное облегчение тут же снизошло на мои измученные тело и душу, ибо воск не пропускал ни звука — полностью устранив воздействие изматывающего свиста. Кажется, я снова смогла обхитрить жестокую судьбу, еще на шаг приблизившись к заветной цели — победе над собственным невезением. Мне опять захотелось дышать, жить и любить.

Поочередно обойдя всех друзей, я воспользовалась все тем же воском, избавив их от страданий. Эти же самодельные беруши я предложила и Трею, успешно использовавшему оные по назначению. Ума не приложу — куда он их приспособил, но, судя по его счастливой морде, воск сработал безотказно. До сих пор не уверена насчет пуповины, но получается — уши у драконов все-таки есть!

Чернокнижник Гедрон лла-Аррастиг сидел на полу своей лаборатории, неловко привалившись к поддерживающему котел треножнику, и давился тихим, истерическим смехом. Глаза колдуна горели безумным светом, губы жалко тряслись. Подумать только, эти Воины Судьбы опять его перехитрили, избежали столь искусно расставленной западни и выжили. В очередной раз выжили! А он-то так надеялся, что на сей раз удача ему улыбнется. Но, видно, не судьба. Бывший жрец окончательно уверовал в справедливость своих выводов, касающихся странной природы того самого явления, которое он называл «тотальным невезением». Увы, оно перешло на него.

Теперь Гедрон знал точно — справиться с Воинами Судьбы в одиночку ему не удастся. Он уже выдохся и разочаровался в самом себе, убедившись в собственной несостоятельности. Можно прыгнуть через голову соседа или соперника в какой-то сфере деятельности, но через свою голову, увы, не перепрыгнешь. Чернокнижник достиг предела своих воз-

можностей и полностью исчерпал доступную ему магию, но — вопреки горечи и обеспокоенности — отнюдь не соби-рался сдаваться. Нет, он не отступит перед лицом своего пер-сонального невезения и не откажется от мечты отомстить же-стоким богам, лишившим его внешней красоты и прежней духовной чистоты. Он обязательно придумает нечто дейст-венное, способное привести к желанному результату. Ценой своей жизни или как-то иначе он все равно низвергнет Пре-светлых богов с их звездного престола — заставив пройти че-рез все муки и испытания, выпавшие на его долю. Отныне его девиз жесток: око за око, зуб за зуб. Но учтите, боги, на что-то меньшее — он не согласен...

И будь что будет!

ГЛАВА 2

Погода заметно ухудшилась. Резкие порывы северного вет-ра нещадно бросали бригантину из стороны в сторону, застав-ляя акробатически, вниз носом нырять в провалы между волн. Штормило настолько сильно, что укачало всех без исключе-ния — даже морально непоколебимую меня. С трудом сдержи-вая рвотные позывы, я цеплялась за привязанный к лееру ка-нат и доставала Слепого стрелка нудными расспросами:

— Ты ведь уже бывал на острове?

— Доводилось! — скупой обронил он, обратив безглазое лицо к изгибистой водной линии горизонта. — К сожале-нию...

— И? — с напором спросила я.

— Ничего хорошего там нет, — расшедрился на коммента-рий слепец. — Одни только испытания, трудности и смерть...

— Ык! — оторопело икнула я. — Как это?

— А так, — мстительно рассмеялся мой собесед-ник. — Или ты ожидала, что все ваши желания исполнятся на халяву? Нет, вам придется очень дорого за них заплатить, как, например, заплатил я... — И он многозначительно провел ру-кой по своему ужасному шраму, пересекающему лицо на уровне глазных впадин — от виска к виску.

— Рассказывай давай все подробно! — ультимативно про-рычала я, подбираясь ближе и хватая слепца за отвороты кам-зола. — Все без утайки.

— Да пожалуйста, — равнодушно пожал плечами Стрелок. — Остров Ледница — это то самое место, куда стремятся все паломники, имеющие нереализованное заветное желание. Ну, типа, когда все другие способы достижения цели уже испробованы, отвергнуты и остается последний, сакральный путь к мечте. Конечно, многие погибают или уплывают совершенно не туда, но все-таки единицы достигают берега Ледницы и начинают ждать судьбоносного мгновения...

— Какого? — не поняла я.

— На берегу владений королевы Смерти установлен камень, на коем прописаны правила путешествия в глубь острова, — невозмутимо продолжал слепой. — Раз в пять лет возле камня появляется жрец из Храма Смерти и объявляет начало похода. По его команде группы искателей удачи вступают на дорогу испытаний, ведущую к Храму Смерти. Свернуть с нее уже невозможно, ибо каждого отступившего и трусившего беспощадно истребляют храмовые Охотники, незаметно сопровождающие паломников. Если путешественники сумеют избежать всех расставленных ловушек, не перебьют друг друга по пути, не попадутся Охотникам, не рассорятся с коренными жителями острова, разгадают все найденные подсказки и правильно ими воспользуются, то они достигнут храма, и тогда королева выполнит их заветные желания.

— И скольким паломникам удастся дойти до храма? — с замиранием сердца спросила я, в глубине души совершенно не надеясь на положительный ответ.

— За всю историю существования острова в храм пока еще не попал никто! — злорадно каркнул слепец. — Теперь ты узнала истину: вы плывете на убой, глупцы.

— Чтоб тебя забрали демоны Нижнего уровня, проклятый ублюдок! — возмущенно заорала я. — Почему ты нас обманул, почему утаил от нас эту информацию?

— Не жди от меня извинений, княжна, — язвительно рассмеялся калечный эльф. — Когда я пытаюсь извиниться, у меня всегда получается двусмысленное нечто в стиле «сами виноваты, кретины тупые». Вы приняли решение и сами за него отвечаете. Я не влияю на ваши судьбы...

— Да ну? — не поверила я. — Знаешь, теперь наша встреча почему-то не кажется мне случайным совпадением или произвольным стечением обстоятельств.

— Думай что хочешь. — Слепец откровенно глумился над моим отчаянием. — Ты вовлекла своих друзей в опасную авантюру, а посему именно тебе и предстоит расхлебывать последствия содеянного. Я тут совершенно ни при чем.

— Значит, ты отказываешься мне помочь? — холодно отчеканила я, сверля уничижительным взглядом его безучастное лицо.

— Зачем мне твои проблемы? Решай их сама, — хмыкнул эльф. — Я уже выполнил свою часть уговора и отправился с вами на Ледницу. Если мы сумеем достичь берега, то я сразу же с вами расстанусь. Дальше вы идете сами по себе, я — сам по себе. Полагаю, это справедливо.

— Не думаю, — медленно покачала головой я. — То, что тебе не хотят отдать бескорыстно, можно купить или выкупить.

— Ты хочешь купить у меня помощь? — оторопел эльф. — Но ценой чего? У тебя нет ничего особенного, что имело бы для меня хоть малейшую ценность.

— Думаешь? — Теперь настал мой черед ухмыляться. — А что ты скажешь насчет этого? — И я неспешно извлекла из кармана лоскут полупрозрачного шелка, расшитого золотой нитью. — Узнаешь?

Слепец ошеломленно охнул.

— Узнаю! Это ее вещь, ее запах... — благоговейно выдохнул он. — Отдай! — Его рука дернулась, но я оказалась проворнее и уже успела спрятать лоскут обратно в карман.

— Ну как, поторгуюсь? — предложила я.

Эльф тяжело сглотнул и мелко, торопливо закивал.

Я довольно улыбнулась. Ну вот, это уже совсем другой разговор, а то заладил: «Расстанусь, сами по себе». Нет, он меня явно недооценил, я отнюдь не такая белая и пушистая, какой кажусь на первый взгляд...

Кстати, а ведь за все произошедшее с нами всего лишь минуту назад нужно сказать спасибо Ырке, моей давней подруге, самовольно прописавшейся в склепе мирно упокоившейся жрицы Бригитты — возлюбленной Слепого стрелка. Дело в том, что, когда Ырка передавала мне часть путеводного артефакта — хранимого в часовне, выстроенной на погосте деревушки Ципелинки, тот оказался завернут в носовой платок, который я благоразумно припрятала. Во-первых,

у меня рука не поднялась выкинуть столь изящную вещицу, во-вторых, платок все еще благоухал тонким ароматом эльфийских духов; ну и в-третьих, я верю в знаки судьбы. И как только что выяснилось — не зря, ибо вышеупомянутый платок как раз и стал таким вещим знаком, способным менять настоящее и влиять на будущее. Нет, наш проводник, конечно, не мог его увидеть, но мгновенно унюхал обостренным чутьем слепого и безошибочно опознал. Вон как его сразу же прихлобучило! Судя по всему, эта вещица значила для калеки очень много.

— Ну, надумал? — поторопила я эльфа. — Или мне выбросить эту тряпку за борт?

— Нет-нет-нет, — торопливой скороговоркой зачастил он, умоляюще присюсюкивая. — Пощади платок, ибо он — единственное воспоминание о моей любимой. Когда-то я привез Бригитте лоскут дорогого шелка, пропитанного духами из Ширул-эль-шэна, а она вышила его золотыми нитями и собиралась подарить мне, но не успела... Где ты взяла мой платок?

— В часовне, — коротко пояснила я.

На губах несчастного влюбленного заиграла мечтательная улыбка.

— Прошу, верни его мне. Я согласен на любые условия и выполню любую твою просьбу.

— Поможешь нам добраться до Храма Смерти и попасть внутрь него? — напрямую, без обиняков спросила я.

— Помогу! — обреченно согласился Стрелок. — Видно, так мне на роду написано — вторично очутиться под дверями того страшного святилища. Да и Бригитта мне то же самое пророчила. Проблема в одном: чего я лишусь на сей раз — руки, ноги, слуха или жизни?..

— Э-э-э? — озадаченно протянула я. — В смысле?

— В наш прошлый визит на остров мы сумели вплотную подойти к воротам храма, — сообщил эльф. — Исключительно благодаря магии Бригитты, конечно. Если бы не она, то мы бы не избегли расставленных на нашем пути ловушек. Но, увы, Храм Смерти охраняют две бессмертные гидры, уничтожить коих можно лишь с помощью Когтей Хоаса — костяных наконечников для стрел, созданных самими богами. Я выстрелил в гидру, но один из Когтей сломался о ее толстую

шкуру. В отместку чудовища убили мою Бригитту и ударом ядовитого щупальца лишили меня зрения. Но королева Смерть милостиво разрешила мне покинуть остров, взяв обещание, что я не стану убегать от уготованной мне миссии. Лишь теперь я начинаю понимать, в чем заключается эта миссия — вернуться на Ледницу вместе с вами. А значит, глупо спорить с судьбой. Я согласен на все! — От голоса несчастного эльфа веяло горькой обреченностью.

Я сочувственно шмыгнула носом и отдала ему платок, который Стрелок немедленно прижал к губам, покрывая поцелуями и неразборчиво бормоча всякие нежные словечки. Я понимающе смотрела на него, размышляя — эка тебя, болезный, любовь-то придавила, не выползешь, не отдышишься. Впрочем, с последним утверждением Стрелка я соглашаться не собиралась, ибо с судьбой нужно и можно спорить, особенно если делать это планомерно, по уму. Авось чего-нибудь да и получится! Хотя следует учитывать и еще одну подлую закономерность: наличие ума никогда не спасает от желания делать глупости. А потому...

— Зачем же вас на Ледницу-то понесло, глупеньких? — бесцеремонно поинтересовалась я.

Слепец поднял на меня залитое слезами лицо.

— Мы искали бессмертия для Бригитты, ведь я способен прожить тысячу лет, а она... — Голос его сорвался, перейдя в рыдания.

— Ага, ну и нашли, типа, — многозначительно обобщила я. — Теперь она вечно жива в твоих воспоминаниях и в легендах... Вот все мы такие — откусываем от жизни куда больший кусок, чем способны прожевать. В итоге им и давимся.

Не знающий промаха ответил мне скептическим вздохом, должным означать — за собой лучше следи, критиканша!

— Как можно преодолеть препятствия, поджидающие путников по дороге к храму? — Я решила возобновить допрос Стрелка, дождавшись, пока он нарыдается всласть и уберет платок. Честное слово, я сделала это не со зла, потому как не хотела прослыть бездушной и черствой, но кого не заботит проблема собственного выживания?

— Импровизируя, — непонятно выдал мой собеседник. — Невозможно предсказать заранее, какими именно они окажутся. Остров представляет собой некое игровое

поле, на котором боги отбирают лучших воинов, способных выполнить порученное им задание. Поиски нужных бойцов продолжаются уже очень долго, хотя и безрезультатно, но боги — терпеливы, ибо им некуда спешить. Впрочем, об этом вам сообщает перед началом похода к Храму Смерти, а пока у нас возникла более неотложная проблема...

— Какая? — насторожилась я, выходя из задумчивости.

Если безоговорочно верить в сильно смахивающее на бред кликушество Стрелка, то сам гоблин не разберет, что ожидает нас там, впереди. Стрелок втолковывает мне про беспощадных убийц и ловушки, но, честное слово, трудно представить, чтобы в реальности ситуация сложилась настолько печально и страшно. Истребить кучу народу ради того, чтобы выбрать несколько лучших супервоинов, — по-моему, такие игрища слишком сложны даже для богов. Они ведь, чай, тоже не звери и не людоеды какие-то... Таким образом, почти убедив себя в том, что Стрелок все утрирует и находится в состоянии аффекта, вызванном личной трагедией, я успокоилась и приободрилась. К сожалению, впоследствии я сильно пожалела о собственной доверчивости и недальновидности, ибо испытания, выпавшие на нашу долю, превзошли самые пессимистичные ожидания, наглядно выявив мою наивность в вопросах, касающихся Божьего промысла. Впрочем, тогда мне было не до того...

— Какая? — повторила я, внутренне собравшись и на всякий случай схватившись за рукоять сабли.

— Твой дракон, — пояснил слепец. — Прислушайся к шелесту его крыльев. Он двигается теперь по-другому, не так, как прежде, ибо полностью выдохся и скоро упадет. Смерть готовится открыть счет. — Губы эльфа многозначительно скривились. — И этот счет не в вашу пользу, княжна...

Я стремительно обернулась, вглядываясь в пелену вечерних сумерек, скапливающихся за кормой «Мавизэли». Уже некоторое время Трей летел позади корабля, постепенно все больше и больше от него отставая. Разделяющее нас расстояние неуклонно увеличивалось. Смертельно уставший дракон опустил к самой воде, редко и нутужно взмахивая одеревеневшими крыльями. Из его приоткрытой пасти вывалился посиневший и опухший язык, грудь сотрясали тяжелые, судорожные вздохи, глаза предобморочно закатились. Вот он

вздрогнул, кашлянул и едва не ушел под воду, зачерпнув ее правым крылом...

Я почти прыгнула на Стрелка, отработанным движением вновь хватая его за отвороты камзола.

— Как его спасти? — зашипела я в лицо слепцу. — Не молчи, подскажи, как можно спасти Трея?

Эльф невозмутимо отстранился от моего дышащего жаром и отчаянием рта и с видом судьи сложил на груди эффектно скрещенные руки.

— Заплати! — торжественно изрек он. — Заплати за его жизнь тем, что у тебя есть, Рогнеда!

«А что такого ценного у меня есть? — стараясь не поддаваться нарастающей в душе панике, пыталась сообразить я, вцепившись в планшир корабля. — Одежда, которая на мне, сабли, защищающий от магии кулон... Да кому они нужны в открытом море!»

И я сбивчиво зашептала, глотая горькие слезы бессилия:

— Слышишь, судьба, боги или кто там еще... Я обещаю, если сейчас вы спасете жизнь дракону и подскажете мне, что делать дальше, то в тот момент, когда вы о чем-то попросите меня, я без колебаний выполню любое ваше приказание, каким бы страшным оно ни было. Идет? — Краем сознания я уловила, что озвучила отнюдь не одну, а целых две просьбы, но ведь произнесенные слова обратно в рот не запихаешь.

Внезапно налетевший порыв ветра взметнул мои волосы, шарфом обвился вокруг плеч, и чей-то едва слышный, насмешливый голос отчетливо хихикнул мне в ухо:

— Идет!

Я изумленно завертела головой, но загадочный голос пропал так же внезапно, как и появился. Похоже, никто, кроме меня, его не слышал и не заметил ничего необычного. Но зуб даю, этот голос мне не почудился, и он, бесспорно, был женским.

— Рогнеда, смотри, вон туда смотри! — вдруг пронзительно закричала Витка, указывая куда-то вперед. — Что это такое?

— Где? — Я приставила козырьком ладонь ко лбу, вглядываясь в даль. — Ничего не вижу...

И тут я увидела!

Море вздыбилось, огромной волной нависнув над бортом бригантины, но потом как-то лениво, словно нехотя отступило, успокаиваясь. Из впадины между бурунов взметнулся высокий фонтан радужных брызг, и над водной гладью появилась крутособая голова какого-то морского обитателя, с любопытством поглядывающего на нас выпуклыми черными глазами...

— Это кит! — уверенно заявил Тай. — Я видел на картинке в книге. Правда, там говорилось, что киты имеют черную или серую окраску.

Но явившийся нам зверь был белым, без единого темного пятнышка, причем отличался настолько невероятными размерами, что рядом с ним «Мавиэль» выглядела крохотной рыбацкой лодчонкой. Кит выставил из воды мощную спину и медленно поплыл рядом с бригантиной, словно напрашивался к нам в попутчики. И тут меня осенило! Он отнюдь не намерен нас сопровождать, он...

— Садись! — закричала я, обращаясь к Трею. — Садись к нему на спину.

Дракон с радостью послушался моего приказа, устало сложил крылья и почти упал на спину морского чудища. Кит даже не вздрогнул, продолжая размеренно двигаться рядом с кораблем. А предельно вымотанный дракон сунул голову себе под крыло и моментально заснул.

— Уж не знаю, кому и чего ты там наобещала, княжна, — проворчал Слепой стрелок, — но предвижу, что расплачиваться за эту помощь тебе предстоит долго и мучительно. Впрочем, — он одобрительно похлопал меня по плечу, — ты храбрая девушка. Пусть и безрассудная!

— И без тебя знаю! — сердито буркнула я и тут же мысленно спохватилась: а как же моя вторая просьба?.. Или я хочу слишком много?

— Поздоровайся с-с-с... — загадочный женский голос вновь возник из ниоткуда, тонким свистом ввинчиваясь в мой мозг, — первым... первой.

— Извините, не поняла: так первой или с первым? — вежливо переспросила вконец запутанная я, уже не доверяя собственному слуху.

Но ответом мне стала тишина, лишь усилившая мою растерянность и недоумение. Хотелось бы знать, кто же именно

выдал мне столь странную подсказку, не расщедрившись на более внятные разъяснения. Оставалось надеяться, что я разговаривала не со своим воспаленным воображением, а с кем-то реальным.

Ночь черным покрывалом окутывала небо и море, делая их неотличимыми друг от друга. Порывы холодного северного ветра свирепо рвали паруса бригаантины, терзая хуже лютого зверя. Мы сгрудились на палубе, натянув на себя всю имеющуюся у нас теплую одежду, и терпеливо ждали рассвета, ибо заснуть при такой качке оказалось невозможно. Зорган крепко обнял меня, прижимая к своей груди, и периодически громко клацал зубами, недобрыми словами поминая тьму и холод.

— Сколько дней может продлиться плавание к острову? — спросила я у нашего незрячего проводника, упрямо цепляющегося за совершенно бесполезный сейчас штурвал. — Неделью, десять, больше?

— Все зависит от Промысла богов, — нехотя процедил он сквозь зубы. — Если будет на то их милость, то мы вскоре очутимся на Леднице. А если нет, то никогда на нее не попадем, сгинув в бурном море.

— Мило! — язвительно хмыкнул Зорган, прислушиваясь к нашему разговору. — Никогда еще я не ощущал себя настолько беспомощной игрушкой в руках судьбы, и никогда еще мое ближайшее будущее не казалось мне настолько туманным... А ведь еще совсем недавно мне мнилось, будто моя жизнь стала налаживаться...

— Ну, ты у нас настоящий мудрец — все правильно говоришь, — подала голос сидящая рядом Кайра. — Она налаживалась, налаживалась, пока не стала совсем лажовой!

Слепой стрелок невесело хмыкнул, похоже полностью согласный с мнением стервозной эльфийки.

— Девушка, не болтай попусту о том, в чем ничего не смыслишь, — холодно прокомментировал ее реплику эмпир. — Философия женщин не украшает. Помни, в каждой женщине должно быть такое маленькое, сморщенное, коричневое...

— Мозги? — обиженным тоном предположила Кайра.

— Изюминка! — снисходительным тоном поправил ви-

конт. — А мозги женщину только портят. Да и замуж умных женщин не зовут...

— Не зли меня, в гневе я страшна! — свирепо рыкнула вчительница, ибо, упомянув о замужестве, виконт наступил на ее больную мозоль.

— Да ты и так не особо... — не остался в долгу задиристый эмпир.

— Ах так! — Вспыльчивая эльфийка схватилась за рапиру. — Да я...

— Стойте! — Я решительно прервала их перепалку, стремительно перерастающую в свару. — Насчет туманного будущего... Или мне чудится? — Я протянула вперед дрожащую от холода руку. — Ведь это туман?

— Туман! — рассеянно согласился Слепой стрелок. — А в этих краях туман можно встретить только возле берега, там, где теплый воздух с суши сталкивается с холодными морскими ветрами. Ой!.. — неожиданно вскрикнул он, ибо палуба бригантины ощутимо содрогнулась так, словно корабль налетел на нечто твердое. — Кажется, мы напоролись на рифы. Держитесь...

Но его предупреждение запоздало, ибо днище «Мавиэли» противно заскрежетало по чему-то острому и шершавому, а потом корабль начал стремительно заваливаться набок, зачерпнув забортной воды. Бригантину завертело в бурном водовороте, мачта жалобно скрипнула и сложилась пополам — накрывая нас мокрым тяжелым парусом. Барахтаясь в его грубых складках, мы пытались не потеряться в непроглядной темноте, но у нас ничего не получилось. Помню, как пальцы Зоргана вдруг выскользнули из моей ладони, а меня подхватило набежавшей волной и понесло в промозглую, смертельную ночь. Я отчаянно кричала, но мой рот сначала залило горькой водой, а потом забило крупным, колючим песком. Насквозь промокшая одежда тянула меня вниз, ко дну, мешая двигаться. Я бес толково колотила руками по воде, понимая, что тону. А потом меня сильно приложило виском о какой-то камень, и на губах появился сладковатый привкус крови. Глаза закрылись сами собой, и я погрузилась в черное небытие...

Сначала до моего слуха донесся виртуозный гитарный перебор, а потом звонкий мужской голос возвестил с явно различным удовлетворением:

— Ну вот, кажется, доплыли!

— Драконы не умеют плавать, — тут же с хрипотцой поправили его. — Не путай меня с морскими змеями, те еще тварюги.

— А я и не путаю, — усмехнулся звонкий мужской голос и с вызовом пропел:

Подивись, честной народ,
Дракон в море не потоп.
По воде плыл лодкою —
Крупною селедкой...

— И вовсе не селедкой, — обиженно поправил похрипывающий собеседник. — Ты же сам говорил, что это кит.

— А какая разница? — еще веселее поддел звонкий. — Рыба, она и есть рыба.

— Да, поесть я бы сейчас не отказался. — В разговор встрял третий участник. — Так голоден, что согласен на любое блюдо, хоть из рыбы, хоть из крысы...

— Мамочки, а где же наша Грымза?! — испуганно взвизгнул следующий участник беседы, тоненько, по-девчачьи. — Надеюсь, она не утонула?

— Не-а. На, держи свою любимицу! — Раздался шелест одежды, словно кто-то что-то вытаскивал из-за пазухи, и громкие звуки поцелуев.

Меня Витка не целует,
Говорит — волнуется.
Я иду — она на крыше
С крысой тренируется! —

ухарски, но немного нескладно выдал речитативом тот, кто жаловался на голод, и заслужил громкий смех нескольких человек.

— Ну и пусть! — фыркнула Витка. — Зато ты, Зорган, петь совсем не умеешь!

— И чего мне с вокалом делать прикажешь? — расстроился виконт. — Я вроде пел с искренним чувством, но птиц с деревьев все равно посшибало...

— Завидую, если тебя только вокал сейчас волнует, — занудно протянул новый собеседник, в коем я сразу же узнала

Слепого стрелка с его бесконечным пессимизмом. — Но обещаю, через пару дней тебе точно станет не до песенок...

— Это еще почему? — с вызовом заявил Зорган. — Вот проснется Рогнеда, и все у нас наладится...

— И когда она проснется? — ехидно спросил слепой эльф. — Да и проснется ли вообще?

— Не сомневайся. Рогнеда, просыпайся! Эй, княжна, хватит дрыхнуть!

Меня дружно затормошили в несколько рук, и мне волей-неволей пришлось открыть глаза, возвращаясь в этот бренный мир...

Я сидела на песке и не без удивления рассматривала раскинувшийся передо мной берег. Невзирая на все заверения Слепого стрелка, клявшегося и божившегося, что мы попали именно на Ледницу, я упорно отказывалась поверить в очевидность одного факта. По моему мнению, Ледница получила свое название по причине толстого слоя снега и льда, покрывающего большую часть ее территории. Да и находится сам остров посреди Холодного моря, а тут... Я недоуменно похлопала ресницами... Тут — желтый песок, выше него — полоса намытой морем гальки, а еще дальше — сочная изумрудная трава и развесистые деревья, дающие щедрую тень. Благодарить. Прямо земля обетованная, а не обещанный полигон для отбора супервоинов. Птички щебечут, мухи летают, ящерки под лопухами отсиживаются. А солнце стоит в самом зените и жарит немилосердно...

— Хватит еще на нашу долю и снега, и дождя с градом! — уверенно сообщил Не знающий промаха стрелок, покусывая сочную травинку. — Ледница — остров необычный и законам природы неподвластен. Какую погоду захотят установить боги, дабы усугубить наши испытания, такой она и будет. И нечего над тем зазря головы ломать.

— Как бы нам с голодухи раньше не передохнуть, еще до начала испытаний, — предположил Зорган, и подтверждением справедливости его слов стало громкое урчание, отчетливо донесшееся из драконьего живота. Сам эмфир попробовал зарканить пробежавшего невдалеке зайца с помощью какого-то шнура, но промахнулся. По меткому определению дракона, на острове стало одним «косым» больше.